

Выход НАТО из Афганистана ускоряет выработку политического курса России, говорит региональный эксперт.

Российская политика в отношении Центральной Азии находится под воздействием предстоящего вывода войск НАТО из Афганистана в 2014 году, говорит Фиона Хилл, директор Центра США и Европы Брукингского института, исследовательской организации, базирующейся в Вашингтоне.

Несмотря на то, что ни Россия, ни Соединенные Штаты не предложили четкую политику по достижению стабильности в Центральной Азии после 2014 года, оба государства осознают риск усиления исламского терроризма.

Президент России Владимир Путин надеется на укрепление экономических интересов России в регионе в условиях новой реальности, говорит Хилл, которая недавно опубликовала книгу, которая называется «Г-н Путин: Оперативник в Кремле» в соавторстве с Клиффордом Гадди.

Как президент Путин рассматривает Центральную Азию, учитывая, что именно он, в большей мере, определяет внешнюю политику России?

Центральная Азия очень важна для Путина, потому что это отношения с соседними государствами, которые являются приоритетными для него – с Украиной, и, безусловно, с Казахстаном. Это одна из основ таможенного союза [в который сейчас входят Россия, Казахстан и Беларусь; вступление Кыргызстана и Таджикистана ожидается в будущем], который он хочет превратить в Евразийский союз через несколько лет. Поэтому здесь Центральная Азия играет важную роль.

Но Путин пытается найти и экономическую выгоду. Вопрос не только в постоянной миграции рабочей силы из Центральной Азии в Россию, но и в том, чтобы иметь взаимную выгоду: расширение инфраструктуры [между двумя странами], сотрудничество в области космической технологии, в нефтяной сфере.

Какое влияние окажет вывод международных сил из Афганистана в 2014 году на политику Москвы в регионе?

На самом деле, это большая проблема. Путин будет искать способы обеспечения долговременной стабильности в Центральной Азии. Я считаю, что они [российские власти] еще не полностью представляют, как именно этого можно добиться. Они хотят сохранить участие Соединенных Штатов в какой-то мере. Уже обсуждается вопрос о том, как организовать взаимоотношения с Центральной Азией, Китаем и другими странами региона.

Если Москва, в целом, против военного присутствия США в Центральной Азии после 2014 года, каким образом она хочет сотрудничать в вопросе обеспечения стабильности в регионе?

Я не имела в виду военное присутствие, а создание Россией своего рода системы безопасности, которую поддержат США, и с точки зрения инвестиций.

В последнее время, в случае с Центральной Азией – за исключением, естественно, «Манаса» [авиабаза США в Кыргызстане] и разногласий, которые привели к трагическим событиям в Кыргызстане за последние несколько лет – политика России и Соединенных Штатов совпадала.

Соединенные Штаты так и не расширили свое присутствие в регионе так, как Вашингтон заявлял. Эти отношения имели более придаточный характер и, в основном, исходили из их политики по отношению к Афганистану. То же самое наблюдается сейчас, когда они собираются выводить войска. Но, в целом, США заинтересованы в долгосрочной стабильности, а не в вакууме; этого же добивается и Россия.

В Соединенных Штатах обсуждают вывод войск – каким образом продолжать инвестиции, уже вложенные в Афганистан, вместо того, чтобы оставить пустоту, которая подорвет то, что было уже заложено?

Но пока ответов на эти вопросы нет. Именно эти проблемы США, Россия и другие заинтересованные участники будут еще обсуждать в течение долгого времени, поскольку Россия не хочет видеть массовый вывод войск из Афганистана, после которого может образоваться вакуум. Пока же, мы не видим четко определенной политики в этом отношении.

Как бы Вы охарактеризовали другие проблемы региона, которые вызывают озабоченность России?

Очень много говорилось и обсуждалось относительно того, какой будет передача власти в некоторых странах региона из-за преклонного возраста [президента Казахстана Нурсултана] Назарбаева и [узбекского лидера Ислама] Каримова. Россия очень обеспокоена тем, кто придет им на смену... . Она не хочет наступления долговременного кризиса и нестабильности и образования слабого государства, что мы наблюдаем на примере Кыргызстана. Ситуация в Таджикистане тоже под большим вопросом. Ведь он находится на границе с Афганистаном.

Как насчет беспокойства России относительно роста исламского терроризма в Центральной Азии после 2014 года?

Россия очень обеспокоена событиями, которые мы наблюдали в течение нескольких последних лет. С одной стороны, вначале, опасность терроризма была связана с Ферганской долиной в связи с появлением Исламского движения Узбекистана, которое, потом трансформировалось в расширенное движение и присоединилось к движению Талибан и стало частью глобальной сети экстремистских групп. Но, со временем, мы наблюдаем появление небольших группировок, что стало поводом для массового беспокойства. Возьмите, к примеру, теракты в Казахстане, который раньше считался спокойным.

Россия хочет изыскать способы сохранения стабильности и не только посредством Организации договора о коллективной безопасности, но и в более широком смысле, в рамках Шанхайской организации сотрудничества [куда входят государства Центральной Азии плюс Россия и Китай]. Она хочет найти способ разрешить эту проблему, чтобы мы в один день не столкнулись с тем, что в Центральной Азии сложится такая же ситуация, как в Мали или в странах Магриба – сначала была незначительная активность [радикальных исламских групп], но появился вакуум, который они потом заполнили.